

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 5, pp. 750–760, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-750-760
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 94 (47)

**«Для твердого примирения кайсацкого народа с калмыцким
 надлежит показать им удовольствие».
 «Разменная карта» в степной дипломатии в середине XVIII в.**

Илья Васильевич Торопицын¹, Жанат Бековна Кундакбаева², Данара Аксеновна Сусеева³

¹ Астраханский государственный университет (д. 20а, ул. Татищева, 414056 Астрахань, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, доцент

ORCID: 0000-0002-7542-3337. E-mail: itoropitsyn@mail.ru

² Казахстанский национальный университет им. Аль-Фараби (д. 71, пр. Аль-Фараби, 050040 Алма-Ата, Республика Казахстан)

доктор исторических наук, профессор

ORCID: 0000-0003-3074-6332. E-mail: janbekkun@mail.ru

³ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация).

доктор филологических наук, профессор

ORCID: 0000-0001-8814-8007. E-mail: suseeva@gmail.com

Аннотация. *Введение.* Проблема изучения взаимоотношений народов России на различных этапах развития российской государственности остается чрезвычайно востребованной и актуальной темой в исторической науке. В процессе исторического развития России в орбиту внутренней и внешнеполитической жизни страны вовлекались самые разные народы. Перед российскими властями постоянно стояла задача удержать их в составе государства. Для этого требовалось определить им место и роль в системе государственного устройства страны. Однако далеко не все народы ранее поддерживали мирные отношения со своими новыми соседями. Центральным и местным российским властям приходилось искать пути преодоления возникающих трудностей в налаживании мирного сосуществования разных народов. В ход шли различные приемы военного, административного и дипломатического характера. В числе последних использовался фактор удержания и возврата заложников или пленных. *Цель* — рассмотреть калмыцко-казахские взаимоотношения в середине XVIII в. и роль российских властей в налаживании мирного сосуществования двух степных народов в составе одного государства под верховенством российского закона; изучить различные аспекты, связанные с ролью пленных в дипломатических контактах российских властей с представителями степной знати. *Результаты.* Вступление в 30-х гг. XVIII в. казахов Младшего и Среднего жузов в российское подданство создало определенный феномен, когда в составе российского государства оказались два степных народа, придерживавшиеся в политике взаимоотношений друг к другу практики взаимных набегов. Российские власти в 1740-х гг. предприняли усилия для налаживания мирного сосуществования калмыков и казахов под верховенством Российской империи.

В качестве дипломатического инструмента применялась практика добровольного возврата пленных, сопровождавшая переговорный процесс. *Выводы.* Анализ рассмотренных фактов позволяет говорить о том, что в середине XVIII в. в рамках взаимоотношений со степными народами российские власти широко использовали фактор обмена пленными для достижения необходимых результатов в переговорном процессе.

Ключевые слова: калмыки, казахи, российские власти, пленные, XVIII в., Астраханская губерния, Оренбургская комиссия

Благодарность. Работа выполнена в рамках стратегического проекта «Калмыкия как трансграничный регион в восточном векторе России», реализуемого в рамках программы развития Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова как опорного регионального университета и поддержанного внутривузовским грантом 2019 г. № 1094 «Русско-калмыцко-казахские отношения» (на материале документов Калмыцкой комиссии, хранящихся в Национальном архиве Республики Калмыкия, в бытность ее главой В. Н. Татищева)».

Для цитирования: Торопицын И. В., Кундакбаева Ж. Б., Сусеева Д. А. «Для твердого примирения кайсацкого народа с калмыцким надлежит показать им удовольствие». «Разменная карта» в степной дипломатии в середине XVIII в. *Oriental Studies*. 2019;(5): 750–760. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-750-760.

UDC 94 (47)

‘For Sound Reconciliation between the Kaisak and Kalmyk Peoples, It Is Necessary to Please Them’: a Mediating Means in the Mid-18th-Century Steppe Diplomacy

*Ilya V. Toropitsyn*¹, *Zhanat B. Kundakbaeva*², *Danara A. Suseeva*³

¹ Astrakhan State University (20a, Tatishchev St., Astrakhan 414056, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Assistant Professor

ORCID: 0000-0002-7542-3337. E-mail: itoropitsyn@mail.ru

² Al-Farabi Kazakh National University (71, Al-Farabi Ave., Almaty 050040, Republic of Kazakhstan)

Dr. Sc. (History), Professor

ORCID: 0000-0003-3074-6332. E-mail: janbakkun@mail.ru

³ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor

ORCID: 0000-0001-8814-8007. E-mail: suseeva@gmail.com

Abstract. Introduction. Studies of relations between the peoples of Russia at various stages of its statehood development remain much needed and relevant in contemporary historical science. The process of Russia’s historical development involved most different nations into the orbit of its domestic and foreign policies. So, the Russian government was constantly facing with the challenge of retaining them within the state. To facilitate that, it was essential to determine their places and roles in the state structure. However, not all nations had previously maintained peaceful relations with their new neighbors. The central and local Russian authorities had to search for ways to overcome the difficulties encountered in establishing peaceful coexistence of different peoples, employing vast military, administrative and diplomatic methods. The latter included retention and return of hostages or captives. *Goals.* The paper seeks to examine Kalmyk-Kazakh relations in the mid-18th century, identifying the Russian government’s role in establishing peaceful coexistence of the two steppe peoples within one state under the rule of Russian law; it also aims to investigate various aspects related to the role of captives in diplomatic contacts between the Russian establishment and representatives of steppe nobility. *Results.* The fact that in the 1730s Kazakhs of the Junior and Middle Zhuzes virtually became Russian citizens resulted a certain phenomenon: one state was then housing two steppe peoples relations between which were primarily reduced to mutual raids and hostilities. In the 1740s, Russian authorities made some efforts to facilitate peaceful coexistence of Kalmyks and Kazakhs under the rule of the Russian Empire. The diplomatic tool to have accompanied negotiation

processes was the practice of voluntary return of captives. *Conclusions.* The analysis of the facts examined suggests that when it came to relations with the steppe peoples in the mid-18th century, the Russian authorities made extensive use of captives exchange to achieve wanted results in negotiation processes.

Keywords: Kalmyks, Kazakhs, Russian government, captives, Astrakhan Governorate, Orenburg Commission, 18th century

Acknowledgments: The reported study was granted by the Gorodovikov Kalmyk State University (2019, no. 1094 ‘Russian-Kalmyk-Kazakh Relations’), strategic project ‘Kalmykia as a Cross-Border Region in the Eastern Vector of Russia’ implemented as part of the program ‘Development of the Gorodovikov Kalmyk State University as a Region-Level Flagship University’ (case studies of documents housed by the National Archive of Kalmykia and dealing with the Kalmyk Commission headed by V. N. Tatishchev).

For citation: Toropitsyn I. V., Kundakbaeva Zh. B., Suseeva D. A. ‘For Sound Reconciliation between the Kaisak and Kalmyk Peoples, It Is Necessary to Please Them’: a Mediating Means in the Mid-18th-Century Steppe Diplomacy. *Oriental Studies*. 2019;(5): 750–760. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-750-760.

Введение

Взаимоотношения степных народов не всегда были мирными. Случаи взаимных набегов, сопровождавшиеся угоном скота и захватом людей, являлись довольно распространенным явлением. Как свидетельствует историография, калмыки и казахи не прекращали данную практику даже в период нахождения в составе России, периодически тревожа в XVIII в. своими набегам не только ближайшие улусы, но и русские поселения [Попов 1861: 339, 401; Витевский 1897: 251–252; Аполлова 1960: 114; Басин 1971: 151–152; Бакунин 1995: 42–43, 58–59; Левшин 1996: 200; Митиров 1998: 193–194; Кундакбаева 2005: 136, 196–197; Цюрюмов 2007: 228, 274–277].

Захваченные в плен люди становились собственностью пленившего их владельца и использовались в кочевом хозяйстве либо служили объектом продажи в третьи страны [Казахско-русские отношения 1961: 184]. Отпуск на родину мог быть осуществлен в результате обмена, иногда вынужденного, например, под угрозой применения вооруженной силы или баранты, либо акта доброй воли. А. И. Левшин, к примеру, замечает, что в ходе обострения казахско-русских отношений в 1740-х гг. российские власти хотели «вооружить» против казахов калмыков. «Между тем Неплюеву приказали стараться при удобных случаях захватывать в аманаты киргизов знатнейших

семейств, — пишет он. — От сего ли распоряжения или от другой причины, но Абулхайр вдруг возвратил значительную часть россиян, взятых ордою в плен при последних набеггах, прочих обещался скоро выдать» [Левшин 1996: 208].

Ханы и старшины практически не имели влияния на процесс взаимоотношений хозяина с захваченными ими пленными. Российским властям регулярно приходилось сталкиваться с этой проблемой. Например, в 1740 г. на съезде в Оренбурге с представителями казахской знати российскими представителями неоднократно поднимался вопрос о возврате пленных. «Особенно остро он встал потому, — пишет Н. Г. Аполлова, — что после крупного похода казахских ханов и султанов на волжских калмыков в 1738 г. пленные калмыки составили значительный процент их военной добычи, — а затем оказались разбросанными по разным аулам» [Аполлова 1960: 120].

В. Я. Басин и А. В. Цюрюмов, рассматривавшие данный вопрос, сообщают важные подробности состоявшихся в Оренбурге переговоров в отношении захваченных казахами калмыков: «По откровенному заявлению Джаныбека, всех их невозможно возвратить, так как многие из них проданы на рынках Хивы и Бухары» [Басин 1971: 153; Цюрюмов 2007: 228]. В этих условиях, указывает Н. Г. Аполлова, «царское правительство, учитывая, что вернуть пленных

как русских, так и подданных России — волжских калмыков и башкир было очень трудно, соглашалось на выкуп их» [Аполлова 1960: 120].

Но и при этом процесс возвращения пленников мог затянуться на неопределенное время. Как писал в 1741 г. хан Младшего казахского жуза Абулхаир начальнику Оренбургской комиссии генерал-лейтенанту князю В. А. Урусову по поводу его требования о возвращении пленных из числа подданных России народов: «*О полоненных ис-под Астрахани татарах и калмыках доносили вам Абулмамет и Аблай салтаны, Джанбек-батыр, что бутто об них знает хан, но токмо те, которые ездили, чинили то не по моему велению, и я к ним писал, чтоб они их возвратили, а ежели не возвратят, то б на меня не пеняли, будут разорены. Однако Вам самим надлежит больше их принуждать, мы Вашему всякому слову верим, токмо наши дикие кайсаки и каракалки нам не верят*». Хан Абулхаир признавался, что заставить владельцев вернуть захваченных в плен людей он не в состоянии — «пока сюда сила не прибудет, то наши дураки кайсаки не разумеют и не боятся, всяк, своих полонников не отдает» [Казахско-русские отношения 1961: 175–176].

В свою очередь и российские власти не могли произвольно требовать возврата в казахские и калмыцкие улусы выкупленных россиянами у этих народов пленных. Так, например, в 1739 г. начальник Оренбургской комиссии князь В. А. Урусов на просьбу Джаныбек батыра из Среднего казахского жуза о выкупе находившихся в плену у яицких казаков казахов, купленных ими у калмыков, потребовал, чтобы сначала казахам вернули табун лошадей, угнанных казахами у них, а также возвратили одного «казацкого парня, тогда ж взятого». После этого казахам будет приказано возвратить казахам их пленников «за такой выкуп, как казаки у калмык оных киргизцов купили, представя, что казаков без удовольствия по правам е. и. в. оставить невозможно» [Казахско-русские отношения 1961: 132].

Показательно в этом отношении и письмо астраханского губернатора В. Н. Татищева от 27 июня 1742 г. к ханше Дарме Бале на ее просьбу о выдаче вывезенной из плена калмычки: «изволите просить, чтоб вывезенную дворянином Черкесовым ис кайсак

калмыцкую женку отдать и по тому вашему письму он Черкесов призыван и спрашиван, на что объявил, что показанная женка и с робенком у него, и ежели ему повелено будет по требованию вашего сиятельства отдать, то б произшедшие ево убытки, как он в кайсаки людей своих посылал и тамо оную женку с протчими чрез немалые подарки получил, возвратить или отдать за нее кайсакских дву полонников и по тому ево Черкесова объявлению, что изволите учинить, благоволите меня уведомить, а без того мне у него Черкесова взять не можно» [НА РК. Ф. И.-36. Оп. 1. Д. 141. Л. 507–507об.].

В этих условиях добровольный возврат пленных и имущества становился знаковым событием, свидетельствующим о желании сторон установить мирные отношения. Соответствующий пункт, например, был включен в мирный договор, заключенный между калмыками и казахами в 1741 г., — «сделать размен пленных поголовно человека на человека» [Новолетов 1884: 27–28].

Цель и материалы исследования

Цель работы заключается в попытке рассмотреть один из основных элементов степной дипломатии, заключавшийся в использовании пленных, захваченных противоположными сторонами, в качестве «разменной карты» при ведении дипломатических переговоров об установлении мирных отношений между калмыцким и казахским народами при посредничестве российских пограничных властей.

Источниковую базу составили опубликованные источники и исследования по истории калмыцкого и казахского народов, а также архивные документы.

Анализ историографии свидетельствует, что в большинстве трудов, затрагивающих связи калмыков и казахов в середине XVIII в., отмечается сложный характер взаимоотношений двух соседних кочевых народов между собой. Исследователи в основном обращают внимание на примеры взаимных набегов. Вопросам обмена пленными между казахами и калмыками в контексте мер, предпринимавшихся российскими властями по предотвращению межнациональных конфликтов в Северном Прикаспии, уделяют внимание лишь некоторые авторы [Аполлова 1960: 114, 120; Басин 1971: 152–153; Цюрюмов 2007: 228, 274]. При этом в историографии содержит-

ся крайне мало сведений, которые бы позволяли судить о том, какое значение придавалось российскими властями самому факту обмена пленными и той роли, которую могли бы сыграть эти пленники в процессе налаживания мирных отношений между двумя степными народами.

Важные данные по этому вопросу можно почерпнуть из опубликованных и архивных источников. Ряд документов сохранился в сборниках, посвященных казахско-русским отношениям в XVIII в. Несмотря на то, что они были изданы в середине XX в., содержащиеся в них сведения по-прежнему не утратили своей актуальности. Но наибольший интерес для раскрытия избранной темы представляют неопубликованные документы, извлеченные из фонда № И.-36 «Состоящий при калмыцких делах при астраханском губернаторе» Бюджетного учреждения Республики Калмыкия «Национальный архив» (далее — НА РК) и фонда № 394 «Астраханская губернская канцелярия» Государственного архива Астраханской области (далее — ГА АО). Документы НА РК позволяют судить о том, какую роль отводил обмену пленными между калмыками и казахами астраханский губернатор В. Н. Татищев, которому были поручены калмыцкие дела, а документы ГА АО показывают, какая политика осуществлялась российскими властями в отношении задержанных казахов и как эти пленные были использованы оренбургскими властями в переговорах с ханом Младшего казахского жуза.

Основная часть

В условиях начавшегося в 1740-х гг. процесса налаживания мирного сосуществования в России калмыков и казахов пленным, оказавшимся в российском плену, суждено было сыграть важную роль в переговорах, инициированных в 1742 г. российскими властями. Астраханский губернатор В. Н. Татищев решил разыграть эту «разменную карту» с целью склонить казахских владельцев к выполнению условий, поставленных перед ним центральной властью, — провести примирительный съезд калмыцкой и казахской знати, на котором все участники лично должны были подписать условия мирного соглашения.

28 января 1742 г. В. Н. Татищев обращается в Астраханскую губернскую канцелярию с промеморией, в которой пишет: «при-

ехавшие киргизские посланцы просили о содержащихся здесь киргисцах трех чело- веках Муратае Муратаеве, Абасе Меирбе- кове, Баймурзе Атюмове, чтоб их освободя из-под караула с ними отпустить в орду, а понеже при нынешних случаях для твер- дого примирения кайсацкого народа с кал- мыцким надлежит показать им удоволь- ствие, они же держатся токмо по поимке в приходящих партиях, того ради губернской канцелярии сим представляю, чтоб благово- лила оных содержащихся кайсаков для от- пуска в орду их освободя прислать ко мне» [НА РК. Ф. И.-36. Оп. 1. Д. 141. Л. 74].

Помимо этого, астраханский губернатор дает указание разыскать в губернии и дру- гих казахских пленных. В письме к батыру Джанибеку от 28 января 1742 г. В. Н. Тати- щев подчеркнул: «по просьбе вашей Джи- гартюлеву жену Андевет с сыном велел отыскать. И как отыснут, то вашим послан- цом отдадутся» [НА РК. Ф. И.-36. Оп. 1. Д. 141. Л. 76].

Заинтересованность астраханского гу- бернатора в поиске конкретных казахов, на- ходившихся в плену у жителей Астрахан- ской губернии, объясняется той важной ролью, которую играли их родственники в казахском обществе. Об этом свидетель- ствуют его письма к хану Младшего казах- ского жуза Абулхаиру и к Джанибек баты- ру из Среднего казахского жуза от 2 февраля 1742 г., выявленные в Национальном архи- ве Республики Калмыкия. В. Н. Татищев извещал казахского хана, что к нему в улу- сы поехал калмык Цойраши с товарища- ми «для отыскания пограбленного прешед- шим летом в августе вашими людьми Цекер Тюлепом¹ и Серкой батыром при нападении на калмык от Красного Яра² при урочище Монхомара от русских взяли в полон кре- щеных калмык 27 человек, и отогнали ло- шадей коров и овец всего 450, по которо- му Джанибек батыр пишет ко мне, что оных велел отыскать Джигартюлю батыру» [НА РК. Ф. И.-36. Оп. 1. Д. 141. Л. 87об.]. В тот

¹ В текстах документов встречается разное написание имени данного человека, например, Цакир Тюлеп. Разночтения следует отнести на счет авторов писем, которые воспринимали на слух имя и фамилию казахского посланца.

² Красный Яр — город в Астраханской гу- бернии, располагался на левом берегу реки Бу- зан в дельте реки Волги.

же день В. Н. Татищев в письме к Джанибек батыру отметил, что освободил свойственников Исета батыра и Букенбай батыра, содержащихся в Астрахани под караулом, и отпустил с казахскими посланцами в «орду» [НА РК. Ф. И.-36. Оп. 1. Д. 141. Л. 90об.].

Между тем обмен пленными между казахами и калмыками набирал обороты. 20 мая в Астрахань приехали посланцы от казахских старшин Исета и Ачбайбия «с известием, что они взяты от Красного Яра полоненников мужеска и женска полу 14 человек, двенадцать лошадей, 5 верблюдов» передали присланным от астраханского губернатора людям. В свою очередь казахские посланцы привезли письменное обращение от своих старшин, в котором просили, «чтоб их кайсацких полоненников здесь оттискав по тому ж им возвратить» [НА РК. Ф. И.-36. Оп. 1. Д. 141. Л. 444].

3 июня 1742 г. астраханский губернатор сообщил в ответном письме хану Абулхаиру, султанам и старшинам Младшего казахского жуза, что по этому обращению удалось отыскать в Черном Яру³ и в Астрахани двух казахов, которых передали прибывшим посланцам. В. Н. Татищев пообещал, что в будущем, «где случится то по тому ж удержаны не будут». При этом губернатор отметил: «а понеже оных красноярских полоненников ни чем более как вашего высокопочтения добрым старанием оттисканы, того ради по той вашей пред ея имп. велвом. верности вам подтверждаю, чтоб и достальных полоненников 13 человек, лошадей, верблюдов коров и баранов всего числом за присылкою 433 приказали как можно наискорее оттискать и посланным от сюда Цорше⁴ с товарысчи отдать без задержания» [НА РК. Ф. И.-36. Оп. 1. Д. 141. Л. 444–444об.].

В. Н. Татищев отправил также письма самим батырам Исету и Ачбайбию. Сообщив о получении от них писем, губернатор писал в ответ: «и первым просите, чтоб ваших находящихся здесь полоненников оттискав вам возвратить, по которому посланник ваш Цакир Тюлеп от меня для отыскания в Черный Яр послан, где одну женку, о кото-

³ Черный Яр — город в Астраханской губернии, располагался на правобережной стороне реки Волги между Астраханью и Царицыном.

⁴ Имеется в виду калмык Цойраши. Сокращенное написание имени калмыцкого посланца следует отнести на счет автора письма.

рой прежде сего Джанибек батыр неоднократно просьбой писал, отыскиали да здесь одного ево Цакира родственника выкупя отдал ему Цакиру Тюлепу и впредь, если отысканы будут по тому ж возрасчено будет». В свою очередь астраханский губернатор напомнил обоим казахским батырам, чтобы они возвратили «достальных полоненников, взятых от Красного Яра 13 чел., лошадей, верблюдов коров и баранов 433» [НА РК. Ф. И.-36. Оп. 1. Д. 141. Л. 446]. Аналогичное письмо В. Н. Татищев отправил и в Средний жуз к знатным старшинам Джанибеку батыру, Серпе батыру и другим.

Отдельной темой в этих переговорах стал вопрос о возвращении снохи хана Младшего жуза Ханы, на чем настаивал Абулхаир. 24 марта 1742 г. в Астрахани было получено письмо из Оренбургской комиссии, в котором шла речь о невесте Эрали султана, сына Абулхаир хана, находившейся в плену у калмыков. Астраханский губернатор «с довольным разсуждением, как оно ныне для утверждения между кайсацким и калмыцким народом мира весьма нужно» написал по поводу нее наместнику Калмыцкого ханства Дондук-Даши. В ответ наместник сообщил, что «тое женку брат ево владелец Бодонг взял себе в жену, о которой же и на пред сего генерал порутчик князь Урусов к хану Дундук Омбе писал, токмо де он не отдал». Дондук-Даши еще до обращения к нему В. Н. Татищева предложил забрать сноху хана Абулхаира приехавшему в Астрахань казахскому старшине Букенбаю, «но ниже уведомился, что она от брата его брюхата и потому де ее ныне возвратить не надлежит, а когда де родит, тогда возвратить, а младенца оставить у них». В. Н. Татищев согласился с этим мнением. «Кайсаки же приехавшие сюда за тем об отправлении к наместнику просили, — писал астраханский губернатор в канцелярию Оренбургской комиссии, — и хотя я по тем обстоятельствам не хотел их отправить, однако лучше сами от наместника дожидаться ль оного будут, как она родит, о том я не сведом, только оставил на их волю» [НА РК. Ф. И.-36. Оп. 1. Д. 141. Л. 287–288].

27 сентября 1742 г. руководитель Оренбургской комиссии И. И. Неплюев, докладывая Коллегии иностранных дел о мерах, принятых им для удержания казахских ханов Абулхаира и Абулмамбета в российском

подданстве, в числе прочих указал на фактор возвращения знатных казахских пленных. «Абулхаир хану о том, что невестку ево, находящуюся у волских калмык в полону, указом ея и. в., посланным к т. с. Татисцеву, повелено оттискать и прислать ко мне для отдачи ему, Абулхаир хану, удовольствовав платежом и кормовыми, объявил, — писал И. И. Неплюев, — чим он весьма был доволен и за милость ея и. в. благодарил» [Материалы 1948: 43].

В начале октября 1742 г. И. И. Неплюев напомнил В. Н. Татищеву об этом деле и, сославшись на указ Коллегии иностранных дел, просил оказать содействие в возвращении снохи Абулхаир хана ее мужу. «Причем считает необходимым «удовольствоваться» ее платьем и кормовыми деньгами, — пишет Н. Н. Пальмов, — чтоб он, Абулхаир-хан, и ево дети, также и прочие кайсацкие старшины для пользы ее и. в-ства тем обнадеживанием действительно удовольствованы быть могли» [Пальмов 1927: 40–41].

В первых числах октября 1742 г. состоялась встреча В. Н. Татищева со снохой Абулхаир хана Ханой, которой он объявил, что намерен отправить ее «по способности на Яик, ибо же ея свекор Абулхаир хан к нему тайному советнику пишет, чтоб ее прислать к нему наискорее». Астраханский губернатор поинтересовался у нее, намерена ли она дожидаться в Черном Яру калмыцкого владельца Бодонга, который взял ее себе в жены, но находился в тот момент в бегах, или казахский Эрали султан ей «любяе»? Хана ответила: «ежели де можно то де Бодонга дожидатца станет, а быть де еи в своем народе приятнее для того, что родителей своих видеть рада, однако ж де она будучи и у Бодонга нужды и недостатка ни в чем не видела, им содержана была изрядно» [НА РК. Ф. И.-36. Оп. 1. Д. 142. Л. 491–492].

В разговоре выяснилось, что Хана знала В. Н. Татищева по его прежнему месту службы в Оренбургской комиссии, где она его встречала. Астраханский губернатор поинтересовался ее национальностью, на это она заявила, что является казашкой, но была захвачена башкирами «и потом от них паки завоевана Абулхаир ханом и отдана в замужество за ево сына». Пользуясь случаем, Хана попросила губернатора обеспечить ее зимней одеждой («азям вишневыи с шестью пуговицами серебряными, сапоги,

шапку» и т. д.). В. Н. Татищев пообещал выполнить ее просьбу [НА РК. Ф. И.-36. Оп. 1. Д. 142. Л. 492].

Спустя два дня астраханский губернатор призвал посланника хана Абулхаира Цакир (Цекер) Тюлепа и приказал ему отправиться в улусы к ханше Дарма Бале и дожидаться писем, которые поступят из Астрахани, с которыми он должен был возвращаться к казахскому хану. В. Н. Татищев поручил ему передать Абулхаир хану, чтобы он прислал в Черный Яр нарочного для «взятья снохи своея Хань» [НА РК. Ф. И.-36. Оп. 1. Д. 142. Л. 493].

Возвращение знатной пленницы в казахские степи состоялось в том же году. 14 ноября 1742 г. астраханский губернатор написал в Оренбург Н. Н. Неплюеву: «Эрали-салтанова жена, надеюся, к вам уже прибыла, или вскоре прибудет. Не изволите ль заранее Абулхаир хану дать знать? А от меня к нему писано» [Пальмов 1927: 41].

В 1743 г. шаткий мир, установившийся между калмыками и казахами, был нарушен. Русские ватаги и калмыцкие улусы в Нижнем Поволжье подверглись набегам казахов, отряды которых действовали на обширном пространстве от низовьев дельты Волги до города Царицына. В плен к ним попадали как русские жители, так и калмыки.

Наместник Калмыцкого ханства Дондук-Даши жаловался, что казахи, «наруша постановленной с калмыцкими владельцами мир, зимою, шестерократно, подбегая под их калмыцкие улусы, чинили нападение и взяли от оных в добычу себе людей более 300 душ, а пожитков и скота и весьма много...» [А. Б. 1938: 144]. Однако, как отмечали астраханские власти, нападения казахов могли быть спровоцированы действиями калмыков из «Лобжиных улусов», которые «неоднократно не в давне в кайсаки ходя разоряли» [НА РК. Ф. И.-36. Оп. 1. Д. 167. Л. 133].

Местные губернские власти старались оперативно реагировать на такие ситуации. Так, 24 января 1743 г. астраханский губернатор В. Н. Татищев послал ордер майору Аксакову, которым предписал выступить с отрядом драгун на защиту наместника Калмыцкого ханства Дондук-Даши. В том же документе говорилось, что майору Пархомову приказано было идти из Красного Яра

со всеми драгунами и казаками в те места, где подверглись нападению калмыки, для их обороны [НА РК. Ф. И.-35. Д. 168. Л. 5]. В отдельных случаях военным отрядам удавалось застигнуть налетчиков и нанести им поражение. В таких случаях нападавшие бросали захваченную добычу и стремились уйти от погони [Торопицын 2009: 242–246; Торопицын 2016б: 23–42; Торопицын 2018: 5–14].

За очередным набегом следовали, как правило, ответные действия, далее начинались переговоры, к которым подключались российские власти. Из письма астраханского губернатора к казахским старшинам Младшего жуза от 13 марта 1744 г. следует, что очередные переговоры между представителями обоих народов при посредничестве астраханских властей прошли на реке Эмба. «Оные ж ваши присланные, именован вашим, с наместником Дондук-Дашею договорились, — подчеркивал В. Н. Татищев в этом письме, — чтоб вам с калмыками мирно жить, и что вами до сего года со обеих сторон взято, того не отбирать и забвению предать, но только б впредь того не чинить и пребывать спокойно, без малейшего повреждения» [Пальмов 1927: 89]. Данный договор интересен тем, что обе стороны согласились отказаться от претензий на ранее захваченных людей и имущество, чтобы не плодить взаимные обиды.

Так как в ходе нападений казахи действовали не только против калмыков, но и русского населения, то российские власти распоряжались свободой взятых пленных по своему усмотрению. Нередко их использовали для обмена на русских людей, захваченных степными народами [Материалы 1948: 89; Кундакбаева 2005: 171–172; Торопицын 2016а: 266–273]. Задержанию со стороны российских властей могли подвергаться представители разных народов и в целях оказания давления на определенных владельцев. Так, в 1744 г. астраханский губернатор В. Н. Татищев удержал в Астрахани четырех казахов. Трое из них были задержаны до получения ответа от хана Младшего жуза Абулхаира «об учиненном от него, хана, астраханскому татарину, бывшему в Орде, грабеже», а еще один казах, входивший в число посланцев батыра Исета, был задержан по «письму Абулхаир ханову» [Материалы 1948: 116].

В ходе одной из пограничных стычек во время прихода в Нижнее Поволжье «воровской партии» русским отрядом были захвачены в плен двое казахов: Акман Колманаев и Кобян Кобянбаев. Обоих пленных доставили в Астрахань и содержали первое время в самом городе. 6 сентября 1744 г. по распоряжению астраханского коменданта полковника Ф. Кнутова их перевели в Енотаевскую крепость⁵ «для содержания здесь под караулом». 24 сентября того же года астраханский губернатор В. Н. Татищев дал указание производить им «из здешней суммы кормовые по 2 копейки каждому на день» [ГА АО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1388. Л. 142].

Пребывание в русском плену обоих казахов затянулось на несколько лет. 2 ноября 1745 г. состоявший при калмыцких делах полковник Н. Спицын обратился к астраханскому губернатору с вопросом, что делать с содержащимися в Енотаевской крепости пленными казаками, «однако ж никакого о том определения от него не получено». Вторично поднимая этот вопрос 13 марта 1748 г. перед новым астраханским губернатором камергером И. А. Брылкиным, полковник Н. Спицын указал на сложности в содержании пленных в Енотаевской крепости. По его мнению, казахов «так продолжительное время здесь яко в степном месте и содержать опасно, дабы паче чаяния каким случаем уйтить не могли, которых за имеющимися здесь островами и по обыкновениям их при таком случае укрывательству и отыскать будет невозможно». Поэтому он просил губернатора дать указание «оных кайсак куда надлежит отсюда отправить» [ГА АО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1388. Л. 142]. Помимо этих двух казахов в плену в Астрахани находилось еще четверо их соплеменников из числа сопровождавших казахского посланника Тюмен абыза. Всех их задержали в Астрахани в 1746 г. «по причине подбега в том 746-м году» казахов к Красному Яру [ГА АО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1388. Л. 248].

В середине 1740-х гг. оренбургские власти вели интенсивный диалог с казахской верхушкой, целью которого было наладить мирное сосуществование между двумя народами. И. И. Неплюев подчеркивал в своих письмах в Коллегию иностранных

⁵ Енотаевская крепость основана в 1742 г. на правом берегу реки Волги между Астраханью и Черным Яром.

дел: «что же касается до пленников калмык, похищенных, то хотя и народ киргизской по древней их с калмыками злобе к отдаче не склонен, однако ж я претензию об отдаче оных при всяком случае киргис-кайсакам напоминаю, а от наместника ханства, присланного для отправления в орду посланца, также и Абулхайрхановых дву человек здесь содержу до получения резолюции на репорт мой от 15 числа мая посланной, дабы мне в тех делах согласно с высоким определением, которого ожидаю, поступать». При этом оренбургский губернатор признавал, что в условиях степной дипломатии влиять на политику степных правителей через пленных от их народа не всегда можно эффективно. «Экспериментация показывает, — писал И. И. Неплюев в Коллегию иностранных дел в 1747 г., — что от того пользы нет, ибо и так задержано, кроме Ходжихмет-салтана со обретающимися в Казане здесь два, на Яике⁶ пять, в Ставрополе⁷ три, в Астрахани четыре, за которых от всех прозбы много, а не видно, чтоб кто прислал сколько-нибудь пленных на обмен, а впрочем, что Абулхайр-хан в письмах своих об них и не упоминает» [Казахско-русские отношения 1961: 365]. Таким образом, многое зависело от того, кто именно находился в плену или был удержан под тем или иным предлогом.

14 мая 1748 г. оренбургский губернатор И. И. Неплюев обратился к астраханскому губернатору И. А. Брылкину с просьбой прислать всех содержавшихся под арестом в Астраханской губернии казахов в городок Гурьев. Оренбургские власти планировали использовать их в качестве «разменной карты» в ходе переговоров с ханом Младшего жуза Абулхайром. 13 июня того же года двух казахских пленников перевели из Енотаевской крепости в Астрахань, откуда всех шестерых казахов выслали в Гурьев. По пути один из бывших пленных умер. Пятеро оставшихся были отправлены далее в город Орск к бригадиру А. И. Тевкелеву, который

⁶ Имеется в виду Яицкий казачий городок — центр одноименного казачьего войска, располагался в нижнем течении реки Яик (современный Урал) на полуострове при слиянии Яика и реки Чаган.

⁷ Имеется в виду город-крепость Ставрополь, основанный в 1737 г. на реке Кунья Воложка при ее впадении в реку Волга для размещения в нем крещеных калмыков.

вел переговоры с ханом Абулхайром [ГА АО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1388. Л. 248–249, 272, 389].

Выводы

Таким образом, можно видеть, что пленные были важной «разменной картой» в степной дипломатии. Требование возврата захваченных при набегах людей было в числе основных на переговорах, которые вели между собой враждующие стороны. И чем выше был статус пленника, тем больше он ценился удерживавшей его стороной, в то время как рядовые представители какого-либо народа могли быть проданы их новыми владельцами в третьи страны еще до того, как появлялась возможность их обмена. Данным ресурсом, который в достаточной мере имелся в распоряжении российских властей, активно пользовались губернаторы пограничных территорий России, занимавшиеся вопросами калмыко-казахских взаимоотношений.

В начале 1740-х гг. российские власти прилагали усилия к установлению мира между калмыками и казахами. В связи с этим в качестве дипломатических шагов, направленных на достижение нужного результата в переговорах, использовался механизм возврата пленных как акт доброй воли. При этом российской стороной делался акцент на возвращении родственников казахских ханов и влиятельных старшин, находившихся в плену у калмыков или под арестом в пограничных российских городах. Этими шагами астраханские и оренбургские власти пытались склонить казахскую знать к возврату пленных, захваченных в набегах на калмыцкие улусы и приграничные российские города, а также добиться от них так нужного России заключения мира между казахами и калмыками.

Источники

НА РК — БУ РК «Национальный архив Республики Калмыкия».

ГА АО — ГКУ АО «Государственный архив Астраханской области».

Казахско-русские отношения 1961 — Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках. Сб. док-тов и мат-лов. Алма-Ата: Изд-во Акад. наук Казахской ССР, 1961. 741 с.

Материалы 1948 — Материалы по истории Казахской ССР. Т. II. Ч. 2. (1741–1751 гг.) / под ред. М. П. Вяткина. Алма-Ата: Изд-во Акад. наук Казахской ССР, 1948. 456 с.

Sources

- [Kazakh-Russian Relations: 16th – 18th Centuries]. Coll. documents and materials. Almaty: Academy of Sciences of Kazakh SSR, 1961. 741 p. (In Russ.)
- [Materials on the History of the Kazakh SSR]. Vol. II, part 2: 1741–1751. M. P. Vyatkin (ed.). Almaty: Academy of Sciences of Kazakh SSR, 1948. 456 p. (In Russ.)
- National Archive of the Republic of Kalmykia.
State Archive of Astrakhan Oblast.

Литература

- А. Б. 1938 — *А. Б. (А. М. Бирзе)*. Из истории Казахстана XVIII в. // Красный архив. № 2 (87). 1938. С. 129–173.
- Аполлова 1960 — *Аполлова Н. Г.* Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX в. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 456 с.
- Бакунин 1995 — *Бакунин В. М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года / Вступит. ст. М. М. Батмаева; предисл. В. Разумовской. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1995. 153 с.
- Басин 1971 — *Басин В. Я.* Россия и Казахские ханства в XVI – XVIII вв. (Казахстан в системе внешней политики Российской Империи). Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1971. 275 с.
- Витевский 1897 — *Витевский В. Н.* И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т. I. Казань: Типо-Литография В. М. Ключникова, 1897. 616 с.
- Кундакбаева 2005 — *Кундакбаева Ж. Б.* «Знаком милости Е. И. В. ...» Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII веке. Серия «АИРО-монография». М.: АИРО-XXI; СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 304 с.
- Левшин 1996 — *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы: Санат, 1996. 656 с.
- Митиров 1998 — *Митиров А. Г.* Ойраты-калмыки: века и поколения. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1998. 384 с.
- Новолетов 1884 — *Новолетов М.* Калмыки. Исторический очерк. СПб.: тип. В. Демакова, 1884. 79 с.
- Пальмов 1927 — *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. II. XVIII век. Астрахань: Издание Калмыцкого Областного Исполнительного Комитета, 1927. 231 с.
- Попов 1861 — *Попов Н. В.* Н. Татищев и его время: эпизод из истории государственной, об-

- щественной и частной жизни в России, первой половины прошедшего столетия / соч. Нила Попова; издание К. Солдатенкова и Н. Щепкина. М.: типография В. Грачева и К.^о, 1861. 804 с.
- Торопицын 2009 — *Торопицын И. В.* Оборона калмыцких улусов в 30–40-х гг. XVIII в. // Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее: мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства (г. Элиста, 13–18 сентября 2009 г.). В двух частях. Ч. 1. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2009. С. 242–246.
- Торопицын 2016а — *Торопицын И. В.* Новые данные о судьбе участников Хивинской экспедиции князя А. Бековича-Черкасского. 1718–1719 гг. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 266–273.
- Торопицын 2016б — *Торопицын И. В.* Служба казачьей команды при калмыцких делах в первой половине XVIII в. // Журнал фронтирных исследований. Астрахань, 2016. № 2. С. 23–42.
- Торопицын 2018 — *Торопицын И. В.* Участие астраханских юртовских татар в калмыцких делах в первой половине XVIII в. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. № 8. Т. 2. С. 5–14.
- Цюрюмов 2007 — *Цюрюмов А. В.* Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2007. 464 с.

References

- A. B. (A. M. Birze). Excerpts from the history of Kazakhstan: 18th century. *Krasnyi arkhiv*. 1938. No. 2 (87). Pp. 129–173. (In Russ.)
- Apollova N. G. [Economic and Political Ties between Kazakhstan and Russia: 18th – Early 19th Centuries]. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1960. 456 p. (In Russ.)
- Bakunin V. M. [Description of the Kalmyk Peoples, in Particular, Torgout People, and Deeds of Their Khans and Landlords (1761)]. M. M. Batmaev (introd.); V. Razumovskaya (foreword). Elista: Kalmyk Book Publ., 1995. 153 p. (In Russ.)
- Basin V. Ya. [Russia and Kazakh Khanates: 16th – 18th Centuries (Kazakhstan in Russia's Imperial Foreign Political Framework)]. Almaty: Nauka, 1971. 275 p. (In Russ.)
- Kundakbaeva Zh. B. [‘By the Law of Mercy...’: Russia and the North Caspian Peoples in the 18th

- Century]. Moscow: AIRO-XXI; St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2005. 304 p. (In Russ.)
- Levshin A. I. [Description of Kirgiz-Kazak, or Kirgiz-Kaisak, Hordes and Steppes]. Almaty: Sanat, 1996. 656 p. (In Russ.)
- Mitirov A. G. [Oirats – Kalmyks: Centuries and Generations]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1998. 384 p. (In Russ.)
- Novoletov M. [The Kalmyks: a Historical Essay]. St. Petersburg: V. Demakov, 1884. 79 p. (In Russ.)
- Palmov N. N. [The Volga Kalmyks: Historical Sketches]. Part II: 18th century. Astrakhan: Kalmyk Oblast Executive Committee, 1927. 231 p. (In Russ.)
- Popov N. [V. N. Tatishchev and His Time: an Episode from the History of Russia's State, Public and Private Life in the Early-to-Mid 18th Century]. K. Soldatenkov and N. Shchepkin (eds.). Moscow: V. Gracheva and C^o, 1861. 804 p. (In Russ.)
- Toropitsyn I. V. Cossack service team in cases Kalmyk in the first half of XVIII century. *Journal of Frontier Studies*. 2016. No. 2. Pp. 23–42. (In Russ.)
- Toropitsyn I. V. Defense operations of Kalmyk uluses: 1730–1740s. In: [United Kalmykia in United Russia]. Conf. proc. (Elista; September 13–18, 2009). In 2 vols. Vol. 1. Elista: Dzhangar, 2009. Pp. 242–246. (In Russ.)
- Toropitsyn I. V. New data about the fate of the participants of the Khiva expedition of Prince A. Bekovich-Cherkassky. 1718–1719. In: [The Mid-Volga Peoples: Excerpts from the History and Culture]. Kazan: Märcani History Research Institute (Tatarstan Academy of Sciences), 2016. Pp. 266–273. (In Russ.)
- Toropitsyn I. V. Participation of Astrakhan Yurt Tatars in Kalmyk affairs: early-to-mid 18th century. In: [The Mid-Volga Peoples: Excerpts from the History and Culture]. Kazan: Märcani History Research Institute (Tatarstan Academy of Sciences), 2018. Vol. 8. Part 2. Pp. 5–14. (In Russ.)
- Tsyuryumov A. V. [Kalmyk Khanate as Part of Russia: Problems of Political Relations]. Elista: Dzhangar, 2007. 464 p. (In Russ.)
- Vitevsky V. N. [I. I. Neptyuev and Orenburg Lands before 1758]. Vol. I. Kazan: V. M. Klyuchnikov, 1897. 616 p. (In Russ.)

